

Иртышу в Обь, а затем вниз по Оби. Выяснилось, что казаки и стрельцы успели уйти «за Камень». Воевода решает повернуть обратно и по пути, на притоке Оби – Северной Сосьве, на месте хантыйского города Сугмут-Ваш (Березовый городок), основал город Березов» (*Миненко Н. Хождение за «Камень». Начало Азиатской России: новая версия // Родина. 2000. № 5. С. 70–71*). Однако никакими источниками эта версия не подтверждается.

¹¹⁴ См.: Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 87–100.

¹¹⁵ См.: *Шапков А. Т.* К истории основания Обдорского острога // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков: Мат-лы Третьей региональной науч. конф. Новосибирск, 1998. С. 10–16.

Н.И. Никитин

СОРАТНИКИ ЕРМАКА ПОСЛЕ «СИБИРСКОГО ВЗЯТЬЯ»

«Покорение Сибири» – одно из самых героических и вместе с тем самых драматических и загадочных событий нашей истории. Как известно, из 540 волжских казаков, отправившихся в поход на хана Кучума, вернулись «на Русь» лишь около ста человек. В большинстве своем они вскоре вновь оказались за Уралом – в составе царской рати воевод В. Сукина и И. Мясного – и навеки связали свою судьбу с новоприобретенной Сибирью. Сподвижники Ермака вместе с другими ратными людьми приняли участие во всех событиях, завершивших главное дело жизни их погибшего атамана: «ставили» в Зауралье первые русские города-крепости, добывали остатки Кучумова войска, приводили в российское подданство новые племена и народы.

«Государева служба» разметала «ермаковых казаков» по разным гарнизонам Сибири, комплектовавшимся в основном путем перевода воинских подразделений из Европейской России и набора «вольных гулящих людей» на местах. Но, растворившись среди служилого населения «новой государевой вотчины», свою роль первопроходцев участники «Сибирского взятия» хорошо понимали, и не только сами, но и их дети и внуки не упускали случая отметить ее в челобитных на царское имя, если таковые доводилось подавать, и именно благодаря этим челобитным мы имеем возможность выделить ермаковых казаков из общей массы служилого населения Сибири и достаточно полно проследить судьбу хотя бы некоторых из них. Впрочем, полнота таких сведений

всегда относительна, а применительно к конкретным лицам, кроме того, и крайне неравномерна, что определяется как сохранностью соответствующих источников, так и степенью их изученности применительно к различным регионам Сибири.

Ермаковы казаки издавна находились в поле исследовательского зрения, и интерес к ним понятен, ведь речь в данном случае идет о людях, вовлеченных в круговорот не просто драматических, но и судьбоносных для целого континента событий, о свидетелях и непосредственных участниках продвижения России на сибирские просторы. Историков не могла не интересовать судьба тех, кому довелось, пережив все перипетии казачьего похода в Сибирь, видеть его прямые последствия и активно содействовать превращению «неизвестной», во многом враждебной, дикой и «пустынной» страны в «златокипящую» и быстро заселяемую «государеву вотчину», в органическую часть Российского государства.

Внимание к ермаковым казакам определяется и весьма специфическими обстоятельствами. Дело в том, что казачьи рассказы о «Сибирском взятии» легли в основу так называемого Сибирского летописания, причем самых различных его ветвей и линий. Отсюда особый интерес к уцелевшим соратникам Ермака со стороны источниковедов, пытающихся выяснить авторство тех или иных летописных версий. Существует, наконец, и такой аспект в разработке этой темы: прослеживая судьбы ермаковых казаков, историки получают уникальные и весьма наглядные свидетельства того, насколько велики были в конце XVI–XVII вв. возможности для продвижения по социальной лестнице тех представителей социальных низов русского общества, которые имели несомненные и крупные заслуги перед Отечеством.

* * *

Если не первым, то одним из первых историков, специально останавливавшихся в своих исследованиях на судьбе ермаковых казаков, был П.Н. Бучинский¹. Правда, обнаруженные им архивные материалы о соратниках Ермака были использованы весьма поверхностно (в результате чего в историографии прочно утвердилось мнение, будто из ермаковых казаков в Тобольске была сформирована особая «старая сотня»)², тем не менее вклад этого исследователя в разработку темы следует охарактеризовать как весьма значительный.

Основа для более полного и глубокого изучения судеб ермаковых казаков была заложена чуть позднее – трудами известного историка-архивиста Н.Н. Оглоблина, отметившего в своем знаменитом «Обо-

зрении столбцов и книг Сибирского приказа» челобитные дела, касающиеся потомков некоторых ранее неизвестных участников «покорения Сибири»³. Впоследствии эти материалы не раз обобщались, цитировались и дополнялись новыми примерами аналогичного характера. Правда, до недавнего времени сведения о ермаковых казаках можно было встретить в сравнительно небольшом круге работ, среди авторов которых были к тому же гораздо заметнее историки-любители и краеведы, чем профессионалы⁴.

Подлинный прорыв в разработке этой темы был сделан А.А. Преображенским. В его докторской диссертации приведен во многом ранее неизвестный материал о сибирских служилых династиях, восходящих к ермаковым казакам; позднее эти данные вошли в состав отдельной статьи⁵. Значительно продвинули вперед изучение судеб соратников Ермака и два издания монографии Р.Г. Скрынникова о «Сибирском взятии», а также выход в свет работ В.А. Александрова, в которых наряду с обобщением уже выявленного материала нашли отражение новые разыскания автора о «войске» и иных «мирских» организациях Сибири XVII в.⁶ Кроме того, в последние десятилетия судьбы ермаковых казаков находили в той или иной мере освещение в трудах еще некоторых исследователей – Е.К. Ромодановской, В.И. Сергеева, В.И. Корецкого, Д.Я. Резуна, А.Т. Шашкова⁷. И хотя жизненный путь большинства сподвижников Ермака по-прежнему остается нам неизвестным, о некоторых из них накоплен значительный материал, порой приводящий историков к далеко не всегда совпадающим заключениям и оценкам. Полагаю, что прежде чем продолжить поиски нового материала о казаках Ермака, есть смысл обобщить основное из достигнутого на этом пути хотя бы в отношении части их.

* * *

Сибирские летописи в своей совокупности дают вполне определенное представление о «руководящем составе» казачьей экспедиции. Помимо Ермака, «атаманами» в них называются Иван Кольцо, Никита Пан, Яков Михайлов, Матвей Мещеряк и Иван Гроза⁸. Столь же определенны летописные сообщения о гибели ближайших сподвижников «покорителя Сибири» – всех, за исключением Ивана Грозы. По некоторым данным, он расстался со своими товарищами перед самым тяжелым этапом экспедиции – был отправлен «на Русь» со вторым «посольством», которое захватило в Москву плененного (по-видимому, при непосредственном участии Грозы) «царевича» Маметкула, лучшего военачальника Сибирского ханства⁹. После этого следы Ивана Грозы

как бы теряются, во всяком случае сообщить что-то о дальнейшей его судьбе историки долгое время не считали возможным.

Между тем, согласно сохранившейся приказной документации, до 30-х гг. XVII в. один из высших постов гарнизона Тобольска занимал некий **Гроза Иванов**. Это имя довольно часто фигурирует в документах и поэтому известно исследователям, но они не отождествили тобольского Грозу Иванова с ермаковым атаманом Иваном Грозой, свидетелем чему служит, в частности, то обстоятельство, что в именных указателях к историческим трудам оба Грозы фигурируют как разные лица¹⁰.

И все же равно высокий (для Сибири) социальный статус и прямое созвучие имен не могли не натолкнуть на мысль, что в данном случае речь может идти об одном и том же человеке. Автору этих строк пришлось довольно много работать с так называемыми книгами сибирских гарнизонов и воочию убедиться, сколь обыденным явлением для делопроизводственной практики XVII в. была трансформация написания одних и тех же фамилий и имен, особенно в сочетании с прозвищами¹¹. Различные их метаморфозы, естественно, наблюдаются и в нарративных, повествовательных источниках, и примечательно, что в некоторых из них, относящихся к концу XVII в. и прямо затрагивающих тему «Сибирского взятия», знаменитый соратник Ермака именовался «Грозой Ивановичем» и «Грозой Ивановым»¹². И высказанное в этой связи предположение о тождестве тобольского служилого Грозы Иванова и ермакова атамана Ивана Грозы¹³ позднее нашло полное подтверждение в челобитной тобольского сына боярского Гаврилы Грозина. Судя по изложению этого документа В.А. Александровым, отца Гаврилы звали Иваном Грозой, и он вместе с Ермаком «взял Сибирь», после чего нес там всякие службы» и возглавлял в Тобольске «станицу» (отряд) конных казаков¹⁴. Ну а в сохранившихся «именных книгах» тобольского гарнизона с 1626 г. во главе списка конных казаков неизменно значится не кто-нибудь, а Гроза Иванов¹⁵.

Итак, круг замкнулся. Теперь можно с полной уверенностью утверждать, что ермаков атаман Иван Гроза и «голова» тобольских казаков Гроза Иванов – одно и то же лицо. «Гроза» – это либо его прозвище, со временем заменившее имя, либо «второе», «нехристианское» имя, употреблявшееся, как нередко бывало в XVI – XVII вв., наряду с полученным при крещении, или гораздо чаще его¹⁶. Нет отныне сомнений и в том, что «официальное» имя сподвижника прославленного атамана было самым распространенным на Руси – Иван. Об этом, помимо приведенных выше данных, наглядно свидетельствует

«отчество» его сына, изредка встречающееся в «именных книгах» при «полном» обозначении служилого человека: «Гаврила Иванов Грозин» – читаем мы, например, в окладной книге жалованья за 1648/49 г.¹⁷ Отсюда понятно, почему ермаков атаман в документах чаще всего фигурировал с прозвищем и почему прозвище легло в основу фамилии его потомков: называться Иваном Ивановым в России для служилого человека означало бы обезличить себя...

Жизненный путь сподвижника Ермака Грозы Иванова, несмотря на «пунктирное» отражение в источниках, был и после «Сибирского взятия» столь замысловатым и бурным, что вполне мог бы стать основой остросюжетного исторического романа... Вернувшись за Урал после гибели Ермака вместе с другими уцелевшими его соратниками, Гроза принял самое активное участие в завершении разгрома Кучумовых войск, «ставил» города Тобольск, Тару и Томск, неоднократно навещался в Москву «со всякими великого государя делы», выполняя на обратном пути различные административные поручения (например, в октябре 1600 г. ему было поручено отвезти из Москвы всякое «церковное строение» на освящение храма в Туринском остроге¹⁸). Во время одной из таких поездок Гроза Иванов задержался «на Руси» надолго, будучи вовлеченным в круговорот бурных политических событий.

«Смута» начала XVII в. глубоко расколола русское общество, и оказавшийся в самой гуще событий сибирский атаман Гроза Иванов решительно занял сторону правительственных войск. В 1609 г. он участвует в походе М.В. Скопина-Шуйского к Москве, закончившемся падением Тушинского лагеря. Видимо, учитывая богатый боевой опыт ермаковского атамана, его ставят в передовой полк во главе казачьей станицы в 300 человек, и Гроза Иванов оправдывает оказанное доверие, свидетельством чего явилась грамота царя Василия Шуйского, «список» с которой бережно хранил сын Грозы – Гаврила. В этой грамоте, «пожалованной» в октябре 1609 г. «сибирскому атаману» Грозе, а также есаулам и казакам его станицы, была высоко оценена их «многая служба», подтвержденная свидетельством воевод М.В. Скопина-Шуйского и Ф. Леонтьева,

Отряд Грозы Иванова сражался под Торжком, Переславлем-Залесским, Александровской слободой; особо отмечалось взятие его казаками Стромьинского острога (в северо-восточном Подмоскovie, по старой Владимирской дороге) при разгроме «воров и литовцев»¹⁹.

Надо, правда, заметить, что этот случай участия сибирских служилых в главных событиях «Смутного времени» не был чем-то уникальным: некоторые служилые, будучи отправлены из сибирских

городов в Москву с «ясачной казной», задерживались на охваченной гражданской войной «Руси» на гораздо больший срок (как, например, сургутянин Тугарин Федоров, который «без съезду» бился под Калугой, Лихвенской засекой и Москвой «с польскими и с литовскими людьми и с русскими воры» по меньшей мере с 1607 по 1612 г.²⁰). Гроза же, судя по одной из так называемых верхотурских грамот, датированной 27 февраля 1610 г., получил возможность отправиться обратно в Сибирь в конце февраля, а выехал, надо полагать, в начале марта, так что вряд ли мог даже видеть торжественное вступление войск Скопина-Шуйского в Москву (12 марта). Согласно этой грамоте, Гроза должен был конвоировать до Верхотурья «литвина» Андрея Григорьева и, судя по пометке на обороте, выполнил поручение к 1 июня 1610 г.²¹

Документы «Смутного времени» называют Грозу Иванова «атаманом казачьим», позднее он уже неизменно именуется «головой», т.е. получает более высокий «чин». Возможно, таким повышением официального статуса и были отмечены московскими властями заслуги ермаковского атамана и его многочисленные раны, о которых не преминул упомянуть сын Грозы Гаврила в челобитной на царское имя в 1653 г.

Заметным событием в жизни головы тобольских конных казаков Грозы Иванова стала в 1626 г. экспедиция в верховье Иртыша – к знаменитому Ямыш-озеру, главному источнику солеснабжения западно-сибирских городов в XVII в. Эту экспедицию Гроза возглавил вместе с сыном боярским Дмитрием Черкасовым (о нем еще будет речь впереди), связанные с ней документы давно опубликованы и не раз анализировались исследователями²². Отметим главное.

Целью экспедиции, помимо очередной доставки соли в сибирские города, было выяснение важнейшего хозяйственно-стратегического вопроса: «мочно ли у Ямыш-озера жилой острог поставить» и отыскать вблизи его пашни, сенокосы, леса и рыбные ловли, а также наладить безопасный и прибыльный торг с калмыками? Экспедиция состояла из 600 человек и отправилась из Тобольска вверх по Иртышу 8 мая 1626 г. Прибыв на место, служилые люди «розъезжали и розсматривали у озера по обе стороны и по Иртышу вверх и вниз», в итоге чего были составлены «соляному Ямышу озеру чертеж и роспись», содержащие подробнейшие сведения о характере почвы, гидросистеме, рельефе, растительности и животном мире обследованного района.

Досмотр ясно показал, что поскольку ни пашенных земель, ни «хоромного лесу» поблизости от озера Ямыш не оказалось, «жилой острог» там ставить было нецелесообразно. Сопоставив результаты исследования Грозы Иванова и Дмитрия Черкасова со сведениями,

полученными от других служилых людей, администрация отказалась от замысла построить острог у оз. Ямыш (он был сооружен только в следующем столетии) и распорядилась по-прежнему регулярно посылать туда караваны судов из западно-сибирских городов, «чтоб соли нагребать перед прежним с прибылью». Кстати, экспедиция Грозы доставила 56 тыс. пудов соли²³. Этого ее количества с избытком хватало на годовое жалованье служилым людям всех сибирских городов (для сравнения: в 1624 г. от озера Ямыш привезено 12 619, а в 1625 г. – 10 704 с половиной пудов, и эти экспедиции считались удачными, ибо привезенной соли хватило не только на жалованье, но и на продажу²⁴). Как видим, Гроза Иванов был не только умелым воином...

Впрочем, немалых организаторских способностей требовала и основная служба «головы» – в данном случае «ведение» конными казачками Тобольска. Согласно сохранившимся наказам, казачий голова в сибирском городе ведал наборами на «убылые места» в своем «приказе» и судил подчиненных «в невеликих исках», снаряжал казаков на всякие «службы», мог контролировать выдачу жалованья, «а за огурничества и за караульное оплошество, и по челобитчиковым делам, и унимая от всякого дурна... чинить наказанье» (приговорить к кратковременному тюремному заключению, битью батогами и т.п.). В непосредственном подчинении Грозы в тобольском гарнизоне обычно находилось чуть более 70 человек. Это не слишком много для «начального человека» даже по сибирским понятиям: «приказные люди» за Уралом имели у себя в подчинении до 500 служилых. Однако Гроза Иванов ведал все же элитной частью гарнизона – ратными людьми конной службы.

Годовые оклады жалованья Грозы (17 руб., 22 четверти хлеба и 3 пуда соли) были одними из самых высоких в Тобольске; во всяком случае, из всех «начальных людей» гарнизона («голов», атаманов и сотников) больше Грозы получал лишь «голова татарский» (это была вообще самая высокооплачиваемая должность у тобольских служилых). Для сравнения отмечу, что рядовые конные казаки сибирской столицы в массе своей получали в год по 7 руб. 25 коп. денежного жалованья, по 10,5 четвертей хлебного и по 2 1/4 пуда соли²⁵.

Как известно, до конца первой четверти XVII в. наличие у служилых собственной пахоты не отражалось на их государственном обеспечении, но после реформ тобольского воеводы Ю.Я. Сулешова за каждую десятину пашни из окладов стали вычитать определенное количество хлеба²⁶. Гроза Иванов из своего 22-четвертного оклада стал получать к «пахоте» лишь «2 чети с четвериком ржи». Причиной этого была принадлежавшая ему «деревня», расположенная от Тобольска вверх по Ир-

тышу на р. Башнаше. Судя по дозорной книге 1623 г., во владении Грозы находилось 12 четвертей «в поле, а в дву потому ж» пашни на «средней» по качеству земле, 20 четвертей «в поле...» перелога, 4 десятины «по-скотинной дубровной земли» и сенных покосов на 300 копен «за рекой Башнашем на лугу». По той же реке у Грозы Иванова были отмечены «рыбные ловли». В этой деревне сложился довольно своеобразный тип «производственных отношений». Сам Гроза, видимо, был далек от сельскохозяйственных хлопот. На его земле с 1620/21 г., как сообщает та же дозорная книга, обосновался со своей женой половник Федор Павлов, который (и это самое любопытное), в свою очередь, нанял себе двух половников («гулящих людей Кирилку и Федыку») ²⁸, – если и не уникальный, то довольно редкий по тем временам случай. Местом же постоянного обитания Грозы Иванова и его семейства был двор в Тобольске, расположенный, согласно дозору 1624 г., на посаде (в «остроге») на Никольской улице. В соседях у Грозы оказались люди не слишком высокого звания – «гулящий человек» и «дворский тюремный» ²⁹.

Обстоятельства, место и прочие подробности смерти Грозы Иванова нам неизвестны, но, скорее всего, произошла она в Тобольске вполне естественным путем, т.е. не носила насильственного или экстраординарного характера. В противном случае при упоминании о смерти служилого человека в приказных документах обычно указывалось, где она произошла («в Москве», «на Лене») и как («убит», «зарезан», «утонул» и т.п.). О нашем же герое в тобольской окладной книге денежного жалованья сделана такая запись: «Голова конных казаков Гроза Иванов умер в 143-м году» ³⁰.

Итак, один из главных соратников атамана Ермака Тимофеевича, Иван Иванов сын по прозвищу Гроза, скончался в 1634/35 г. Встречающаяся в литературе другая дата – 1635/36 г. ³¹ – представляется менее достоверной, ибо она была записана почти через два десятилетия (в 1653 г.) со слов сына Грозы – Гаврилы Грозина. Если, впрочем, мы примем в качестве «компромиссной» усредненную дату – 1635 г., то едва ли сильно погрешим против истины. Вряд ли мы ошибемся, утверждая, что Гроза скончался, будучи уже весьма пожилым человеком: во-первых, он был атаманом уже к началу 1580-х гг., а слишком молодых людей в атаманы не выбирали, и, во-вторых, к 1630 г. он имел уже вполне взрослого сына, занимавшего в тобольском гарнизоне довольно высокий «чин». Гаврила Грозин служил в это время в «детях боярских» с годовым окладом денежного жалованья 11 руб.; для «служилой аристократии» Тобольска это было жалованье «средней статьи», несовершеннолетним

«недорослям» не полагавшееся. А тот факт, что свой хлебный оклад (13 четвертей ржи и овса) он, в отличие от отца, получал не «к пашне», а полностью³², свидетельствует о полной хозяйственной самостоятельности Гаврилы Грозина.

С 1640/41 г. Гаврила Грозин упоминается уже как голова тобольских конных казаков, но оклад отца вместе с должностью унаследовать не удалось, и он еще долго служит с прежним «сынбоярским» жалованьем, хотя численность находящейся в его «приказе» станицы возросла к тому времени до 109 человек³³. Лишь после уже упоминавшегося челобитья 1653 г. Гаврила получает отцовский оклад, передав свой сыну Ивану, также поверстанному в этой связи в дети боярские. Как выяснили В.А. Александров и Н.Н. Покровский, Гаврила Грозин возглавлял конных казаков тобольского гарнизона в течение 17 лет, выполнял в Сибири дипломатические поручения, а род Грозиных принадлежал к числу наиболее авторитетных в Тобольске³⁴. По крайней мере «чин», выслуженный основателем фамилии, его потомки прочно удерживали до 80-х гг. XVII в., когда в тобольской окладной книге денежного жалованья за 1680/81 г. появилась запись о смерти головы конных казаков Ивана Грозина...³⁵

* * *

Весьма авторитетным был в сибирской столице в XVII в. и род другого видного сподвижника Ермака – **Черкаса Александрова**. Основатель тобольской служилой фамилии Черкасовых по упоминаниям в сибирских летописях и делопроизводственной документации конца XVI – начала XVII в. был известен историкам давно. Но в последнее время круг сведений о нем значительно расширился благодаря введению в научный оборот новых материалов и новому прочтению уже знакомых источников. Прежде всего выяснилось «христианское» имя и у этого соратника Ермака: в приходе-расходной книге Чудова монастыря 1585/86 г. он был записан как «**Иван Александров сын, а прозвище Черкас** (выделено мной. – Н.Н.)»³⁶. Было у него еще одно прозвище – Корсок, о чем мы узнаем из заявления его внука – служилого человека Якова Черкасова³⁷. Примечательно, что хотя в летописях Черкас Александров, в отличие от Грозы Иванова и других ближайших сподвижников «покорителя Сибири», не назывался «атаманом», именно так – «сибирским атаманом» – называет его (вместе с **Саввой Сазоновым Болдырей**) чудовская приходе-расходная книга, тем самым отделяя от других вкладчиков-ермаковцев, обозначенных как «сибирские казаки». Как считает Р.Г. Скрынников, Иван Александров и Савва Болдыря возглавляли не

сотни в войске Ермака, как полагалось бы настоящим атаманам, а всего лишь его посольство в Москву и являлись в данный момент атаманами только в глазах московских властей и чудовских монахов³⁸.

По мнению Р.Г. Скрынникова, именно Черкас Александров, а не Иван Кольцо, как традиционно считалось в исторической литературе, был отправлен во главе казачьего «посольства» к Ивану Грозному «с сеунчем» – известием о победе над Кучумом, после чего был задержан в Москве до 1586 г., т.е. до конца экспедиции. Это мнение, однако, не разделяется многими исследователями. Как резонно заметил Д.И. Копылов, «о недолгом пребывании первого посольства в Москве пишут все без исключения летописи». И тот факт, что в феврале 1586 г. Черкас был в Москве, «может получить и... не противоречащее летописям объяснение. Черкас Александров вернулся в Сибирь с первым посольством в 1583 г. и оставался там до августа 1585 г. После гибели Ермака... возвратился на Русь. В феврале 1586 г. был в Москве, где перед новым походом в Сибирь и сделал вклад. Не исключен еще один вариант: Черкас Александров вернулся в Москву со вторым посольством из Сибири...». По мнению А.Т. Шашкова, «и во время участия в “сеунче”, и в момент бегства ермаковцев из Сибири, Черкас Александров все еще был рядовым казаком; атаманскую должность он занял только в период своего второго пребывания в Москве, что и было зафиксировано в феврале 1586 г. во вкладной книге Чудова монастыря, а также в Погодинском летописце, отметившем, что вместе с В.Б. Сукиным и И. Мясным Тюмень строили “Ермаковы казаки, Черкас Александров с товарищи” (формула, указывающая на его начальствующее положение). Следовательно, возглавлять посольство он не мог, тем более что в Погодинском летописце в качестве главы “сеунча” назван некий атаман»³⁹.

Как бы то ни было, Иван Александров по прозвищу Черкас в феврале-марте 1586 г. вместе с другими ермаковыми казаками делал богатые вклады в московский Чудов монастырь. Небезынтересны размеры и цели казачьих вкладов, позволяющие составить представление и об имущественном положении ермаковых казаков, и о некоторых особенностях их менталитета, семейных отношений и т.д.

Видимо, серьезно заболевший «сибирской козак» **Иев Вышата** 21 марта «дал вкладу» 6 руб., за что его «в Чюдове монастыре постригли и в келье в больничной устроили». **Юрий Леонтьев** и **Федор Антропов** дали 4 руб. для записи в синодик «по убьенных казаках». **Михаил Григорьев** пожертвовал «ковтанец сибирской соболей» (стоимостью в 3,5 руб.), чтобы «в братцкой сенаник написали» его товарища – казака **Феофилакta**. **Григорий Пережогин** дал 10 соболей для записи в

синодик своих родителей. С той же целью пожертвовали монастырю по 2 руб. **Афанасий Абросимов Темниковец** и **Тарх Козарин**, причем приходная книга называет и имена их «родителей», отразив, возможно, непростой характер отношений в семьях жертвователей: у казака с явно нерусским именем (или прозвищем) Тарх Козарин «родитель» носил самое русское имя Иван, а у Афанасия Абросимова «родителей» звали Олимпия и ... Прокофий.

Самым обстоятельным «вкладчиком» среди ермаковых казаков оказался **Иван Михайлов Шуянин**. 28 февраля 1586 г. он «дал вкладу» в монастырь «шубу соболью за осмнатцать рублей» (позже монахи продали ее, правда, лишь за 15 руб.) «в наследие вечных ради благ», в связи с чем чудовской братии надлежало «за его Иваново здравие Бога молити. А похочет Иван в Чюдове монастыре постричися, – говорилось в книге, – и... его за тот же вклад... постричи и в келье устроити, и покоити его как и протчую свою братью. А как Бог по душу по его сошлет, и нам его в Чюдове монастыре похоронити и имя его в братцкой сенаник написати, и душу его в заупокойных молитвах поминати». 17 марта Иван Шуянин заключил еще одно соглашение с чудовской братией. Он «положил на соблюдение в... монастыре в казне по архимаричю приказу» кабалу «в двусот рублей» на «старицких сведенцов» Ивана Иванова сына Уланова, двух его племянников и внука. Условия хранения этого документа были таковы: «И как Ивана Бог сносит з государевы службы здорово, и приехав к Москве да тое кобалы попросит, и нам ему та кобала выдати безо всякие зацепки. А случитца ему... в отъезде или zde на Москве смерть, и нам по его приказу и по памяти за его рукою по тои кобале на старицких сведенцах... те его деньги взяти в монастырскую казну вкладу пятьдесят рублей... И за тот вклад имя его Иваново в литейной и во вседневной сенаник написати, и душу его в заупокойных молитвах поминати, и корм на братью на его преставление ставить ежегод безпереводно. А другую пятьдесят рублей роздати по его ж душе в сорокоустья по церквам и нищим на милостину. А сто рублей... отдати брату его Исаку Михайлову сыну Шуенину...».

У «сибирских атаманов» Ивана Александрова сына по прозвищу Черкас и Саввы Сазонова сына по прозвищу Болдыря договоры с чудовской братией носили более традиционный характер: 12 февраля 1586 г. оба они дали за «вписи в сенаник по своих родителях» по «два сорока» (т.е. по 80. – *Н.Н.*) соболей» которые «братье» удалось позднее (2 июня) продать за 50 руб. А 9 мая того же года Савва Болдыря «дал братье на корм по своих родителях» еще 3 руб.⁴⁰

По упомянутым в чудовской книге именам и прозвищам си-

бирских казаков можно составить некоторое представление и о происхождении Ермакова войска. Большинство известных нам соратников Ермака имело явно русские (великорусские) корни. Однако мы знаем, что «болдырями» называли детей, прижитых от татарок, а «черкасами» – запорожцев. Из рядов последних, видимо, и вышел Иван Александров. Вместе с тем, второе его прозвище – Корсок – может указывать и на какие-то полоцкие корни: среди полоцкой шляхты «Корсоки» встречались нередко.

... О возвращении Черкаса Александрова в Сибирь в том же 1586 г. прямо сообщает следующая запись в Погодинском летописце (выделявшем из Ермаковой дружины именно этого казака): «В лето 7094-го по государеву цареву и великого князя Феодора Ивановича всеа Руси указу приидоша с Руси воеводы Василей Борисов сын Сукин да Иван Мясной, с ними ж многие руские люди и Ермаковы казаки, Черкас Александров с товарищи. И поставиша на реке Туре град Тюмень... и дома себе поставиша, и воздвигоша ж церковь во имя живоначальные Троицы...»⁴².

Р.Г. Скрынников считает, что «казак Черкас Александров вернулся в Сибирь... в чине “головы”»⁴³. Вряд ли, однако, столь ответственная должность была предоставлена этому сподвижнику Ермака уже в 1586 г. Даже много позднее, в первом из дошедших до нас от нового этапа сибирской службы Черкаса Александрова документов (на который, кстати, ссылается сам Р.Г. Скрынников) – в наказе 1593–1594 гг. князю Андрею Елецкому, отправленному во главе крупного (свыше 1,5 тыс. человек) экспедиционного корпуса для постройки города на р. Таре, Черкас дважды назван «атаманом», и это при том, что другие «начальные люди» из войска Елецкого называются и «головами», и «сотниками». В «проспесе» березовских служилых о ранней истории их города упомянут и Черкас Александров, но тоже не как «голова» (казаки вспомнили, как после нападения «остяков и самоеди» они «сидели в городе в осаде болши полугода. И ис Тобольска де наши воеводы присылали на Березов выручати Черкаса Александрова с служилыми людьми») ⁴⁴. Но уже в сентябре 1598 г. в отписке тарского воеводы Андрея Воейкова о разгроме хана Кучума на Оби активный участник этой операции – Черкас Александров – упомянут действительно как «голова». «И августа... в 10 день, – пишет А. Воейков, – посылал я... сына боярского Илью Беклемешева да голову татарскую Черкаса Олександрова в волости, для языков, которые волости... отвел Кучюм царь в 106 году...»⁴⁵. Те же документы указывают и место постоянной службы Александрова: по крайней мере с 1590-х гг. он, как и Гроза Иванов, был прикреплен к «столичному» тобольскому гарнизону.

Как «тобольский татарский голова» Черкас Александров упоминается и в документах начала XVII столетия. Из них, в частности, явствует, что в 1601 г. он побывал в Москве, а на обратном пути захватил царские грамоты сибирским воеводам и конвоировал девять «колодников», в чем ему помогали «отпущенные» с ним же из Москвы «литвин» Войтех Кривитцкий, стрелец Петр Вятчанин, пелымский стрелец Завороха Иванов и двое татар. Путь из Москвы до Сибири они проделали не более чем за два месяца (грамоты, датированные 29 мая, были доставлены в Верхотурье 29 июля), а о порядке дальнейшего их следования (как и в целом об организации передвижения «государевых служилых людей») можно составить представление по одной из доставленных ими же царских грамот. «И как к вам ся наша грамота придет, а Черкас Олександров с товарищи и с колодники на Верхотурье приедет, и вы б, – предписывалось верхотурским воеводам, – их с Верхотурья отпустили в Тобольской тотчас неиздержав, и судно и провожатых им до Тюмени дали. А как они на Верхотурье приедут и которого числа их с Верхотурья отпустите, и вы б о том отписали к нам, к Москве, с ыными нашими делы, и велели отписку отдати в Казанском и в Мещерском дворце диакам нашим Офонасью Власьеву да Нечаю Федорову»⁴⁶.

Должность Черкаса Александрова в тобольском гарнизоне нельзя представлять как «командование сотней служилых татар»⁴⁷. Во-первых, потому, что хотя он во время походов на Кучума и стоял во главе татарской сотни, общая численность подведомственных ему в Тобольске служилых могла быть гораздо большей (в военные походы служилые татары не отправлялись все поголовно), во всяком случае к концу первой четверти XVII в. в тобольском гарнизоне числилось 256 «юртовских служилых татар». А во-вторых, чин «татарского головы» был самым высокооплачиваемым (и с большим отрывом от других) у тобольских служилых, и уже только поэтому весьма престижным. Занимающий эту должность должен был пользоваться прежде всего абсолютным доверием властей и понимать всю меру своей ответственности перед «государем». Ведь татарский голова ведал не просто служилыми людьми, а в большинстве своем вчерашними врагами, многие из которых к тому же были весьма знатного рода⁴⁹.

Как выяснил еще С.В. Бахрушин, «татарский голова не только командовал служилыми татарами во время походов, он ведал ими и в мирное время... На нем лежала обязанность “их судить и расправы меж их чинить в правду”, лишь “о великих судных делах спорных” докладывая воеводам. Он вел списки как служилых, так и захребетных татар, следил за их политической благонадежностью... Вместе с тем он являлся

как бы их патроном: ему предписывалось “бережение и ласку и привет к ним держати и от русских и от всяких людей беречи их...”. Он служил также посредником между татарами и русскими, одинаково наблюдая за тем, чтобы “русских людей нигде не побивали и не басурманили и малых ребят не скрадывали и не бусурманили ж... а русские люди татар потому ж не побивали”. Ответственный и крупный чиновник, татарский голова имел особый штат служащих (толмача, подьячего, денщика татарского, приставов) и собственный судебный трибунал в “татарской судной избе”. За свою службу он получал очень высокое жалованье – 30 руб. деньгами и по 30 четей ржи и овса»⁵⁰.

Сам факт назначения Черкаса Александрова на должность «татарского головы» в «столичном» тобольском гарнизоне свидетельствует, что по крайней мере в 90-х гг. XVI в. из всех ермаковских соратников именно он имел в глазах центральной администрации наивысший авторитет, подкрепленный, возможно, не только боевыми заслугами и организаторскими способностями, но и «породой» (вспомним предположение о его шляхетских корнях). Вообще же относительно личности Черкаса Александрова в литературе последнего времени высказывалось столько предположений и догадок, что из всей Ермаковой дружины он в этом отношении уступает, пожалуй, лишь самому Ермаку.

Высказывались мнения о связи Черкаса со Строгановыми задолго до сибирской экспедиции, о том, что он был доверенным лицом Строгановых в казачьей дружине. Весьма интересна гипотеза, согласно которой Черкас Александров был по сути дела основоположником сибирского летописания (она была выдвинута Е.К. Ромодановской, поддержана и развита в работах А. Т. Шашкова)⁵¹. Но ни безоговорочно принять, ни категорически отвергнуть эти предположения пока не представляется возможным из-за отсутствия в нашем распоряжении данных, прямо подтверждающих их или же, напротив, решительно опровергающих.

Есть, однако, в ряду подобных мнений и глубоко ошибочные. Например, Р.Г. Скрынников утверждает, что Иван Александров по прозвищу Черкас «прослужил в Сибири более 50 лет. Приказные грамоты 1638 г. упоминали о поездке Черкаса Александрова в Москву и даче показаний в Приказе Казанского дворца. Документы называли его “тобольского города атаман Иван Олександров”».

Вывод о тождестве упоминавшегося в 1638 г. тобольского атамана со знаменитым соратником Ермака обосновывается ученым очень просто. «Сомнительно, – пишет он, – чтобы в небольшом сибирском городе служили разом два казачьих атамана по имени Иван Александров». Отсюда делается следующее заключение Р.Г. Скрынникова: «Если...

знаменитый сподвижник Ермака был жив в момент работы С. Есипова над летописью (в 1636 г. – *Н.Н.*), тогда допустимо предположение, что именно он служил источником информации для местного летописца⁵².

Изложенное мнение не выдерживает критики ни в одной из своих посылок, о чем автору этих строк уже приходилось писать⁵³. Однако, учитывая, что Р.Г. Скрынников по данному вопросу не изменил свою позицию и она стала разделяться другими исследователями⁵⁴, считаю необходимым не только повторить, но и дополнить свою аргументацию.

Во-первых, Тобольск к концу 30-х гг. XVII в. был не «небольшим», а самым крупным городом Сибири с наиболее многочисленным гарнизоном (в 1300 человек), вполне сопоставимым с такими военными центрами Европейской России, как Новгород и Белгород. Во-вторых, «разом» два атамана Ивана Александрова в Тобольске в то время и не числились. Указанный Р.Г. Скрынниковым современник Саввы Есипова регистрируется именными книгами Тобольска лишь с 1634/35 по 1645/46 г.: он ведает одной из «новых» станиц пеших казаков и никогда не упоминается с прозвищем «Черкас»⁵⁵, в то время как соратник Ермака чаще всего фигурирует в документах именно с этим прозвищем (иногда даже обозначается только им) и уже с конца 1590-х гг. является не атаманом, а «татарским головой». О конце служебной карьеры атамана пеших казаков Ивана Александрова сведения вполне определены (чего никак нельзя сказать о «татарском голове» Черкасе Александрове) и рисуют довольно безрадостную картину: он был отставлен от службы и в 1647 г. попал в тяжелейшее положение из-за конфискации у него тобольскими властями «деревни» и гибели «на воде» шестерых «детей и людей»⁵⁶.

Что же касается Черкаса Александрова, то для него «государева служба» закончилась намного раньше – во всяком случае до конца первой четверти XVII в. Дозорные книги Тобольска и Тобольского уезда 1623–1624 гг. об Иване Александрове по прозвищу Черкас или Корсок не упоминают, не записан он и в первые из сохранившихся именных книг (как и во все последующие): на месте «татарского головы» в них уже в 1626/27 г. значится другой человек – Константин Частой⁵⁷. Имущественное и социальное положение семьи Черкаса Александрова к концу его службы, однако, не только не пошатнулось, но, в отличие от его менее удачливого тезки, похоже, еще более укрепилось, о чем красноречивее всего свидетельствует успешная карьера наследников знаменитого ермаковца – Афанасия и Дмитрия Черкасовых.

Тот и другой порой записывались в тобольские именные книги с «отчеством» Иванов (или Иванов сын) и несли службу в детях боярских,

Тот и другой, согласно переписи 1644 г., имели дворы в Тобольске: Дмитрий – «в остроге на Никольской улице» (там же, напомним, был двор Грозы Иванова), около двора пешего казака, Афанасий – «в остроге на Вылеготской улице», между дворами посадского человека (часовщика) и стрельца. За Афанасием, кроме того, числилась деревня-однодворка, расположенная от Тобольска вниз по Иртышу, «за речкою на Кугаевском озере». К ней было приписано «пашни паханной средней земли» 4 четверти, да перелогу – 10 четвертей «поле, а в дву потому ж», а также 15 десятин целины («пашенного лесу дубровы») и на 300 копен сенных покосов⁵⁸.

Должность отца никто из братьев Черкасовых не унаследовал (на нее со временем стали находиться более влиятельные и знатные претенденты со стороны, в том числе готовые служить «в татарских головах» без жалованья со своих поместий «на Руси»⁵⁹). Однако Афанасий долго был «атаманом новокрещеных татар» (сменив на этом посту в начале 1630-х гг. Корнилу Петрова Дурынина) и, помимо своих прямых («приказных») обязанностей, выполнял, подобно другим представителям гарнизонной верхушки, ответственные поручения самого различного характера⁶⁰.

При всем созвучии с отцовской должностью это был гораздо менее ответственный и престижный «чин». Отдельная «станция» новокрещенов в Сибири XVII в. существовала только в Тобольске и насчитывала всего несколько десятков человек (30 – в 1630 г., 19 – в 1663 г. и 48 – в 1699 г.). И хотя большинство ее составляли крестившиеся татары (в их числе, кстати, с 1626/27 г. по 1641/42 г. именные книги отмечают Осипа Менделеева – прямого предка нашего выдающегося ученого Д.И. Менделеева), были там принявшие православие «литвины», «немцы» и представители других народов⁶¹. Впрочем, жалованье атамана новокрещенов было примерно на том же уровне, что и у начальных людей сотенного звена; престижности этой должности добавляла «конная служба» подчиненных.

Собственно, благодаря тому, что за «чин» атамана новокрещенов в Тобольске в 1668 г. разгорелась борьба, мы доподлинно узнаем о происхождении рода тобольских детей боярских Черкасовых от сподвижника Ермака Черкаса Александрова и о втором его прозвище – Корсок. Дело в том, что в 1665/66 г., после смерти Афанасия Черкасова, место атамана новокрещенов получил казак «литовского списка» Никита Ильин – получил в обход детей Афанасия, на челобитье которых воевода А.А. Голицын ответил: «Вы молоды, и приказать вам государевых людей невозможно...». На просьбу Якова Афанасьевича Черкасова, поддержанную

трем его старшими братьями (рейтарами и «солдатского строя прапорщиком»), новый воевода П.И. Годунов отозвался тем, что по сути дела устроил «аукционную продажу» спорной должности, обещая ее тому, кто согласится служить с меньшим жалованием, в итоге чего атаманом новокрещенов остался Н. Ильин, согласившийся служить, в отличие от Якова Черкасова, практически за «фрядовой» оклад – 8 руб.⁶³ Таким образом, заслуги перед отечеством деда челобитчиков были в глазах воеводы П.И. Годунова менее весомы, чем небольшая (в 2 руб. в год) экономия «государевой казны»...

Другой сын Черкаса Александрова – Дмитрий – оставил еще более заметный след в сохранившейся приказной документации, и прежде всего – своими «службами», связанными с противодействием кочевникам юга Сибири. Нам известно, в частности, что в 1619 г. тобольский воевода прислал в Туринск 17 отбитых у калмыков верблюдов «с тобольскими служилыми людьми, с сыном боярским Дмитрием Черкасовым с товарищи». В 1622–1623 гг. силами тобольского и тюменского гарнизонов было организовано посольство к калмыкам, во главе которого встал Дмитрий Черкасов (его сопровождали тобольские служилые татары – «вож» и два «кашевара» – и трое тюменских служилых, включая одного «вожа» из татар). Цель миссии заключалась в «призыве» калмыцких «тайшей» (князей) «на государеве... земле не кочевати, и на государевы волости с войною не приходить», никого из российских подданных «не побивати и не грабити», и на том дать присягу. Успеха эта дипломатическая акция не имела: служилые были «тайшами» ограблены, а не убиты лишь благодаря заступничеству одного из калмыцких правителей (тайши Зенгула), о чем Дмитрий Черкасов и его товарищи повели, добравшись до Тюмени в апреле 1623 г.⁶⁴

В 1626 г. Дмитрий Черкасов, как уже отмечалось, принял участие в большой экспедиции на оз. Ямыш, где вместе с соратником своего отца, Грозой Ивановым, выяснял возможность строительства острога в степи, в непосредственной близости к калмыцким кочевьям. В 1627 г. тобольский сын боярский Дмитрий Черкасов вел переговоры с киргизскими «князцами», убеждая их принять российское подданство и платить ясак «великому государю»⁶⁵. В 1629 г. Д. Черкасов был направлен вместе со служилым татаринном А. Кизылбаевым «в Барабу и в иные волости» принимать присягу от татарского «князца» Когутая, ранее изменившего «великому государю», а затем изъявившего готовность «бить челом государю о винах своих»⁶⁶.

Обилие «степных служб» и их в основном «дипломатический» характер наталкивают на мысль о неплохом знании Дмитрием Чер-

касовым татарского языка. Во всяком случае, в требованиях тобольских воевод к попутчикам Черкасова, которых надлежало «выбрать на Тюмени» для посылки «к Талаю тайше» в 1622/23 г., было и такое: «которые горазды были бы татарскому языку»⁶⁷. И вряд ли без соответствующей языковой подготовки мог бы справиться со своими обязанностями сам Дмитрий Черкасов. Вполне реальным будет в этой связи предположение, что мы здесь имеем дело с определенной семейной традицией. В той или иной степени татарский язык, наверное, знал и брат Дмитрия Афанасий, служивший «атаманом новокрещеных татар», и уж тем более их отец – «татарский голова» Черкас Александров (последнее напрямую отражено в документах конца XVI в.).

Было бы, разумеется, неверно представлять «посольскую службу» единственной для сына боярского Дмитрия Черкасова. В 1635 г. он упоминается как приказчик Верхней Ницынской слободы; в своей отписке тобольскому воеводе Д. Черкасов сообщил, что «приходили изгоном воинские колматские люди и государевы тарские и тюменские татаровя... и слободы пожгли, и скот отогнали, и полон поимали...»⁶⁸. А в 1643 г. Дмитрий Черкасов отправился в Мангазею с хлебными запасами. Эта экспедиция оказалась роковой как для него, так и для большинства ее участников. Суда потерпели крушение в Обской губе, спасшиеся отбили на берегу нападение «самояди» и в ноябре двинулись «нартным ходом» в Мангазею. По пути их «изнял голод», да такой, что из 70 участников этого похода (в числе которых были женщины и дети) «померло человек с 50», а выжившие «от великие нужи постели, и ременье, и испод лыж – камасы, и собак, и людей мертвых ели»... Некоторые из добравшихся до Мангазеи там же сразу и умерли, а у остальных, надо полагать, здоровье после стольких испытаний оказалось сильно подорванным⁶⁹.

Служебная карьера Дмитрия Черкасова тоже завершилась после мангазейской экспедиции. С 1642/43 г. его больше нет в тобольских именных книгах, зато в 1647/48 г. в списке детей боярских там появляется «Васка Дмитриев сын Черкасов», причем с крайне низким для данного чина окладом жалованья – 4 руб. (это меньше, чем у рядового пешего казака)⁷⁰. Ясно, что Василий Черкасов был зачислен на службу «недорослем» и, видимо, «в отцово место»...

В именных книгах тобольского гарнизона с 1634/35 по 1647/48 г. числился в детях боярских (с вполне приличным окладом в 10 руб.) и Борис Иванов сын Черкасов⁷¹. Вероятно, это еще один (младший?) сын знаменитого ермаковского соратника Черкаса Александрова. Однако о «службах» Бориса Черкасова нам мало что известно...

* * *

Судьба ермаковых казаков после «Сибирского взятия» при всем разнообразии складывалась однотипно: в подавляющем большинстве они служили «великому государю», пока были в силах служить, и стремились передать «выслуженные» чины, оклады жалованья или хотя бы социальный статус своим детям и внукам, закладывая тем самым основы многих сибирских «династий». Большой временной разброс естественных смертей и отставок ветеранов «Сибирского взятия» по старости свидетельствует, что дружина Ермака объединяла людей самого различного возраста.

Конечно, несмотря на завидное долголетие многих соратников, далеко не все они смогли дослужиться до высоких чинов, не все кончали свои дни в достатке. Болезни и лишения, как уже отмечалось, вынуждали некоторых постричься в монахи «на Руси». По данным 1624 г., и в Тобольском Знаменском монастыре доживали свой век «служивые люди, увечные, раненые и которые очьми обнищали, за убожество иные и без вkladу стриглись, еще ермаковских казаков постриженники, лет во сто и больши...». В том же 1624 г. в Тобольске была учреждена богадельня «для старых и увечных отставленных служилых людей» (вначале 9-ти, затем 12-ти человек) по их челобитью на царское имя. Они сообщали, что «служили... в Сибири лет по сороку и больше с сибирского взятия, и на боех ранены, и за старость и за увечье... отставлены и волочатца меж двор, помирают голодною смертью»⁷².

Нам известны также имена нескольких Ермаковых соратников, хотя и избежавших «сумы», но так и не поднявшихся по социальной лестнице за долгие годы «государевой службы» до уровня сибирской «служилой аристократии». Так, в г. Пелыме остался в стрельцах **Олфер Заворохин**, который, согласно челобитной его внука, Ивана Зыкова, «служил с Ермаком и после Ермака», передав затем свое место в гарнизоне и оклад сыну (?) Осипу, дяде челобитчика⁷³. Сподвижник Ермака **Григорий Ясырь**, возможно, какое-то время (по данным 1595 г.) и был на командном посту: согласно воеводской отписке, его посылали из Тары в разведывательный поход («про Кучума царя проведать и языков добывать») во главе отряда в 90 человек, сформированного из служилых разных сибирских городов. Однако в документах 1599 г. упоминается просто «тобольский казак Гриша Ясырь», а первые именные книги Тобольска знают только рядового конного Григория Ясыря (иногда записываемого и как «Ясырев»). Не отметил каких-либо «приказных» чинов у Григория и его внук, рейтар Иван Ясырев, который в 1668 г. сообщал в челобитной, что его дед «служил в прошлых годах...

с Ермаком конную службу»⁷⁴.

Согласно дозорной книге 1623 г., Григорий Ясырь и его сын Федор (тоже конный казак) были владельцами деревни «на Ябалаке на Большом услоне». Они имели там «пашни паханной средние земли 11 четей без третника, перелогу 12 четей в поле, а в дву потому ж, пашенного лесу дубровы 10 десятин, поскотинные земли 4 десятины» и 200 копен сенных покосов. В последний раз в тобольских окладных книгах жалованья Григорий Ясырь упоминается в 1627/28 г.⁷⁵

Как сообщает все та же дозорная книга 1623 г., недалеко от Искера – бывшей столицы Сибирского ханства – «вверх речки Сибирки в дуброве» размещалась деревня рядового конного казака **Афанасия Котина**. Там имелись: двор, «пашни паханные средние земли 5 четей без третника, перелогу 2 чети в поле, а в дву потому ж, пашенного лесу дубровы 4 десятины, поскотинные земли в логу 3 десятины» и 150 копен сенокосов – «около пашни в лугах и по отверткам». По семейному преданию Котиных, записанному уже в XIX в., эту землю их предку якобы пожаловал сам Ермак... Имел Афанасий Котин и двор в Тобольске (на Никольской улице), а в последний раз в именных книгах упоминался в 1637/38 г.⁷⁶

Не думаю, что вернувшиеся в Сибирь соратники Ермака стали в большинстве своем «начальными людьми», но должен отметить, что на данный момент в нашем распоряжении гораздо больше сведений о тех ермаковых казаках, которым пусть и к концу жизни, но удалось подняться над рядовой служилой массой, став детьми боярским или получив чины атаманов, голов и т.п. Наиболее известный из них (благодаря публикациям в «Русской исторической библиотеке» и в «Приложениях» к «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера) – **Гаврила Иванов** – до похода в Сибирь казаковал «на поле 20 лет у Ермака в станице и сынами атаманы», а в Сибири прослужил еще 42 года, прежде чем был после соответствующего челобитья произведен по царской грамоте от 27 февраля 1623 г. в атаманы на Тюмени⁷⁷.

Гаврила Иванов принимал самое деятельное участие практически во всех эпизодах «сибирского взятия» – вплоть до окончательного разгрома Кучума, пленения его сыновей и других родственников, «ставил» города Тюмень, Тобольск, Тару, Пелым, Томск, ходил в походы в «Кузнецкую землю» и на калмыков, но к 1623 г. выслужил лишь чин десятника конных казаков. И только на восьмом (как минимум) десятке лет, после того как его начальника – атамана Степана Онтропьева – перевели в дети боярские, Г. Иванову представилась возможность существенно продвинуться по службе, заняв освободившееся место, что

и нашло отражение в следующей записи тюменской именной книги 1623/24 г.: «Десятник Гаврило Иванов. Женат. По государеве грамоте велено ему быть у литвы и у конных казаков в атаманех»⁷⁸.

Трудно предположить, что Гаврила Иванов в первой четверти XVII в. был единственным ермаковцем в Тюмени – старейшем городе Сибири. И действительно, по мнению некоторых исследователей, потомки наиболее ранних русских переселенцев вообще составляли ядро тюменского гарнизона в первой половине XVII в. Были в составе тюменских служилых в то время и те, кто, как отец городничего **Максима Ивановича Захарова**, «...с атаманом Ермаком Тимофеевым Сибирь взяли»⁷⁹.

Сподвижники Ермака, видимо, служили и в Верхотурье. Участником «Сибирского взятия» считают, например, верхотурского атамана **Пиная Степанова**, правда, прямых доказательств тому источники не содержат. Согласно царской грамоте от 4 сентября 1598 г., он был по собственной инициативе переведен в Верхотурье из Тобольска, где занимал должность «атамана казачьего» с денежным жалованием в 11 руб. и хлебным «по девяти четви на год». В челобитье Степанова говорилось, что он «служил... в Сибири в Тобольском городе всякие... службы, зимние и летние, конные и струговые, и лыжные, двенадцать лет», т.е., получается, с самого основания русскими за Уралом первых постоянных городов – Тюмени (1586 г.) и Тобольска (1587 г.). На новом месте Пинаю предписывалось «ведать верхотурских стрельцов», ездить «во всякие посылки», а оклады жалованья оставлялись прежние, тобольские. Судя по пометкам на обороте грамоты, ее привез на Верхотурье сам Пинай из Москвы, где он, наверное, и подал прошение о переводе.

Поездка Пиная Степанова «с товарищи» в Москву в 1600 г. повлекла за собой выговор верхотурским властям от властей московских. Степанов доставил в столицу небольшое количество пушнины, «роспись той рухляди» и запрос о том, что делать с трофейными (?) вогульскими луками, колчанами и топорами, которые были «взяты... в прошлом в 101-м (1593. – Н.Н.) году на Лозве с пелымским князем с Тагаем». В ответ правителю Верхотурья «голове» Салманову было указано, что он «учинил негораздо», отпустив к Москве «верхотурских жильцов» с такой «невеликою казною», учинив тем самым «в нашей казне в прогонех и в выходах... убытки, а земле в подводах тягость великую», и предписывалось, чтобы он «вперед с нашею невеликою казною к нам, к Москве, верхотурских жильцов не отпускал. А отпускал бы еси нашу казну невеликую с иными посылками, как поедут с нашею казною из ыных сибирских городов».

Более поздние документы также не демонстрируют каких-либо

отличий Пиная Степанова на «государевой службе» в «новом городе на Верхотурье». Скорее наоборот. В отписке верхотурского воеводы Неудачи Плещеева в Москву от 1604 г. говорится о безрадостном положении во вверенном ему гарнизоне, где «служивых людей 2 сына боярских да атаман, Пинаем зовут, Стефанов, и он слеп и увечен, и... некоторые службы служить не может, да стрельцов 46 человек, и тех ... остается от посылок в городе и остроге человек по 10 и по 15, и иногда остается человек с 5 или 6... и на городе и на остроге большего наряду нет, только на городе 8 пищалей затинных, и те... не добры и стрелять из них нельзя».

Слепота и увечье, однако, не помешали Пинаю вновь съездить в Москву, будучи, правда, уже в отставке. 18 июня 1607 г. он подал в верхотурскую съезжую избу царскую грамоту, датированную 31 марта того же года. Москва извещала воеводу Степана Годунова и письменного голову Алексея Загряжского о том, что «бил... челом Верхотурского города атаман Пинай Степанов. А сказал: служил де он во всех наших сибирских городех всякие наши службы дватцать четыре годы. И ныне де от нашей службы отставлен. И нам бы его пожаловати, велети его з женою и з детьми из Сибири отпустить...». Точная дата отставки Пиная неизвестна, сохранившиеся документы позволяют отнести ее к промежутку времени с 1604 по 1607 г., так что если указанный в челобитной Степанова срок его сибирской службы соответствовал действительности, то об участии в «Сибирском взятъе» речь могла идти если и не с самого начала ермаковской экспедиции, то, по крайней мере, на завершающей ее стадии (например, со времени прибытия в Сибирь вспомогательного корпуса князя С. Болховского). Впрочем, о подробностях первых лет своей сибирской службы верхотурский атаман не счел нужным сообщить и московской администрации, продемонстрировавшей свою полную о них неосведомленность. В Приказе Казанского и Мещерского дворца, ведавшем в те года Сибирью, наложили на челобитье Степанова такую резолюцию: «... Будет Пинай сослан в Сибирь не в опале, и вы б его... из Сибири отпустили к нам, к Москве». Как бы то ни было, но просьба атамана о возвращении из Сибири была, похоже, уважена, знаменуя собой завершающую и отнюдь не самую яркую стадию его, несомненно, нелегкой и героической (иначе не дослужился бы до атаманского чина) карьеры...⁸⁰

В противоположную сторону – на восток – занесла судьба потомков соратника Ермака **Алексея Галкина**. Сам Алексей 30 лет был атаманом в Березове, погиб в Мангазейском уезде при столкновении с «иноземцами» и положил начало роду енисейских служилых людей

Галкиных, среди которых встречались и атаманы, и дети боярские.

Особой предприимчивостью и отвагой в XVII в. отличался атаман Иван Галкин: благодаря прежде всего его решительным и умелым действиям была присоединена к Российскому государству Якутия. Он обладал и крепкой хозяйственной хваткой, обеспечив своим сыновьям прочное экономическое положение. А о родстве этой фамилии со сподвижником Ермака поведал в 1703 г. неустанный енисейский сын боярский Василий Галкин, сообщивший, что «в прошлых годах прадед его... служил великому государю с Ермаком Тимофеевым и взял Сибирское царство»⁸¹.

У нас нет серьезных оснований не доверять свидетельствам такого рода. Хотя возможность ошибок в передаче каких-то деталей, равно как и некоторое преувеличение длительности «службы» отцов и дедов, были вполне вероятны, основные этапы их служебной карьеры в челобитных передавались верно, поскольку основывались на столь важных документах, как «послужные списки». С глубоким знанием дела замечает по этому поводу А.А. Преображенский: «Надо учитывать... с какой ревностью относились служилые к собственной “чести” и “службам”. Они строго следили... за всеми перемещениями, назначениями, изменениями окладов... В такой обстановке искажение послужного списка сводилось до минимума»⁸². Нельзя поэтому пройти мимо показаний еще одного потомка ермаковых казаков. В 1647 г. подал челобитную «беспомощной и бесплемянной... Тобольского города уроженец, отставленной дьячишко». Звали его Ульян Казьмин (Кузьмин), а просился он на службу в казаки «литовского списка» (где, видимо, открылась «вакансия»), подкрепляя свою просьбу тем, что дед его, **Семен Федоров Шемелин**, «пришел в Сибирь с атаманьями с Ермолком Тимофеевым с товарищи, в казаках, и Сибирь... очистил и кровью своею взял за саблюю»⁸³.

При царе Василии Шуйском Семен Шемелин уже в звании атамана, подобно Грозе Иванову и еще многим сибирским служилым, принял участие в гражданской войне «на Руси», но, в отличие от своих более удачливых товарищей, там погиб: был убит «на приступе» под Тулой... Сохранившиеся (с 1626/27 г.) именные книги Тобольска служилых Шемелиных уже не знают – лишь в дозорной книге города за 1634 г. упомянут двор пешего казака Ивана Шемелина. Тем не менее, законность претензии челобитчика на статус служилого человека у администрации сомнений не вызвала, и с 1647/48 г. в «литовском списке» тобольского гарнизона стал числиться «Ульянко Кузьмин»⁸⁴.

Со столицей Сибири, как уже упоминалось выше, связан прочно

укоренившийся в литературе миф о существовании в тобольском гарнизоне в первые десятилетия XVII в. некой «старой сотни», где якобы «концентрировались оставшиеся в живых соратники Ермака»⁸⁵. Миф этот, как отмечалось, восходит к П.Н. Буцинскому, обнаружившему в архиве Сибирского приказа челобитную от имени одной из станиц тобольских пеших казаков, протестовавших против их подчинения «голове» Богдану Аршинскому⁸⁶. Свою станицу челобитчики действительно называли «старой», но вовсе не потому, что состояла она из ветеранов «Сибирского взятия». Все было гораздо проще. До конца 1630 г. в Тобольске существовала всего одна станица (сотня) пеших казаков. А к сентябрю 1630 г. «по государеву указу» Григорием Шестаковым были «прибраны» в Вологде, Тотьме, Устюге Великом и Сольвычегодске для службы в Тобольске в пеших казаках еще 500 человек «из вольных гулящих людей». «Новые казаки Григорьева прибору Шестакова» составили в Тобольске к 1631/32 г. дополнительно пять станиц (а к 1634 г. в сибирской столице было уже 8 станиц пеших казаков)⁸⁷, и они первое время назывались в городе «новыми», а прежняя – «старой». Конфликт же разгорелся из-за того, что, несмотря на наличие у этих станиц своих атаманов, администрация решила объединить их в один «приказ» под главенством сына боярского Богдана Аршинского, который, будучи в Москве, «бил челом... в головы в Тобольском городе на Григорьев прибор Шестакова».

Перспектива двойного подчинения очень не понравилась казакам «старой» станицы, и они обратились в Москву с заявлением, что служат «в Сибири в Тобольску от Ермакова взятия лет по сороку и по пятидесят с атаманы, а не з головами», и «их-де о том, что ведать Богдану Аршинскому, челобитья не бывало». Высказывая «великому государю» свою «обиду», «старые казаки» привели аргумент, ясно свидетельствующий, что сподвижники Ермака в Тобольске находились в то время не только в их рядах. «А которые, государь, – жаловались казаки, – старые холопи твои тебе... в Тобольском от Ермакова взятия с нами ж вместе служат, литва и казаки, и стрельцы, и нынеча... по-прежнему у литвы рохмистр, а у конных казаков голова, а у стрельцов сотник, и у тех, государь, старых статей холопей твоих то не отнято». Ущемленные такой несправедливостью, пешие казаки «старой» станицы просили оставить их «по-прежнему» в ведении лишь своего атамана – **Гаврилы Ильина**⁸⁸.

П.Н. Буцинский глухо упоминал об одной из челобитных царю Михаилу Федоровичу, согласно которой Гаврила Ильин служил еще с Ермаком «в поле 20 лет и 50 лет в Сибири», однако конкретно служебную карьеру Ильина представлял слабо и назвал его (со ссылкой на ту же

челобитную) «одним из старейших казаков старой сотни»⁸⁹. Неверным является также закрепившееся в историографии мнение, что Гаврила Ильин был издавна (еще «в начале XVII в.») атаманом тобольской пешей станицы⁹⁰. В именных книгах 1626–1630 гг. он упоминается как простой конный казак, а атаманом тобольских пеших казаков в эти годы был **Третьяк Юрлов**⁹¹, у которого, стало быть, не меньше оснований (если следовать логике тех, кто причисляет всех ветеранов «старой станицы» к ермаковым казакам) быть отнесенным к участникам «сибирского взятия».

Третьяк Юрлов, кстати, в конце первой четверти XVII в. был одним из самых состоятельных людей Сибири. Помимо двора в Тобольске, дозорные книги 1623–1624 гг. отметили в его владении «деревню» – по сути дела целое поместье (если не вотчину), причем самое обширное в уезде. Оно располагалось по Иртышу выше Тобольска, «за Ефтизером над Сосновым озером», включало в себя «пашни паханной середней земли 24 чети в поле, а в дву потому ж», луг подле Иртыша («в длину с версту, поперег сажень с двести») с санными покосами. Дальнейшее описание владений Третьяка интересно и социальными аспектами поземельных отношений в Сибири первой четверти XVII в.

«Под бугром озеро, – сообщает дозорная книга. – На озере остров поперег с версту, на нем санные покосы... А по скаске Третьякова человека Фетьки Иванова, владеет Третьяк паханую и непahanую доброю землею от Соснового озера вниз по реке Иртышу... верст с пять, а в другую сторону от реки Иртыша в дуброву версты с полторы. Пашню пашет... своими людьми, да у него ж три половника – Исайко Кирьяков, Ивашко Онисимов, Гришка Лукьянов. Живут у Третьяка Гришка да Исайко со 128 году. У Гришки сын з женою, скота – корова. У Исайки – корова ж, три быка, два теляти. А жить им у Третьяка в половниках от сроку до сроку восемь лет. У Ивашка Онисимова... корова ж, живет у Третьяка со 131 году, а до сроку в половниках жить шесть лет...»⁹². Трудно представить, чтобы столь значительное земельное владение было закреплено за служилым человеком, не имевшим серьезных заслуг перед «великим государем»...

После смерти Третьяка Юрлова претендентов на его должность со стороны детей или других родственников, похоже, не оказалось (тобольские именные книги первой половины XVII в. не отмечают служилых кланов Юрловых или Третьяковых), и в 1631/32 г. на его месте в атаманах уже значится Гаврила Ильин, в исключительном ведении которого желали оставаться пешие казаки «старой станицы». Не следует,

впрочем, забывать об относительности единоначалия в подразделениях сибирских гарнизонов. Во-первых, оно никак не отменяло воеводскую власть над всеми служилыми людьми города. Во-вторых, значительно ограничивалось традициями самоуправления, очень сильными в служилой среде в XVII в. И, в третьих, оно вовсе не означало для атаманов и прочих «начальных людей» постоянного, непрерывного ведения своими подчиненными. Тот же Гаврила Ильин, подобно прочим начальным людям тобольского гарнизона, случалось, надолго задерживался во всякого рода «дальних посылках», оставляя, таким образом, своих казаков на попечение других представителей служилой верхушки города. Например, тобольской делопроизводственной документацией под 1635/36 г. зафиксирована поездка атамана пеших казаков Гаврилы Ильина в качестве «посла» к калмыкам (причем в сопровождении не казаков, а тобольских служилых татар). А такого рода «посольская служба» обычно занимала не один месяц. Трудно сказать, насколько она оказалась тяжела и успешна для Г. Ильина, но по возвращении с нее его ждало приятное известие. Правительство пошло навстречу казакам его станицы: 24 августа 1637 г. в Москве была составлена грамота, в которой тобольским властям предписывалось, чтобы «тое станицу... велели ныне ведать одному атаману Гаврилу Ильину, а голове Богдану Аршинскому тое Гавриловы станицы вперед ничем ведать не велели»⁹³. Однако новый атаман недолго оставался во главе «старой» сотни. Смерть настигла его в 1638/39 г. во время очередной «дальней посылки»: как сообщалось в именных книгах, «атаман пеших казаков Гаврило Ильин в прошлом во 147-м году послан ко государю к Москве с отписками и с Москвы в Тоболеск не бывал»⁹⁴. Вскоре после этого все пешие казаки тобольского гарнизона оказались в «приказе Богдана Аршинского», а во главе «старой станицы» встал бывший ее пятидесятник **Остафий Антонов**⁹⁵.

Он тоже явно не был новичком в ратном деле и, без сомнения, принадлежал к числу тобольских старожилов: еще в 1623–1624 гг. в Тобольске зафиксирован двор «пешего казачьего пятидесятника Остафа Антонова» и его же деревня в верховьях речки Тайменки, весьма, впрочем, скромная по размерам (4 четверти пашни и 10 перелога «в поле...», 3 десятины «пашенного леса», 250 копен сенных покосов)⁹⁶.

Третьяк Юрлов и Остафий Антонов, конечно, далеко не единственные тобольские служилые, чья принадлежность к ермаковым казакам хотя и не подтверждается прямыми указаниями источников, но вполне вероятна. К таковым можно, например, с большой долей вероятности отнести атамана **Ивана Дурню**, возможного родоначальника весьма

многочисленной фамилии тобольских служилых людей Дуруниных. В 1612 г. он был среди тех вкладчиков тобольского Знаменского монастыря, которые обратились с челобитной к «боярам и всей земле» (т.е. к руководителям 2-го ополчения). О «Ермаковом взятъе» в ней речь не шла, но челобитчики напомнили, что они «служили под Москвой и всякую нужду терпели с бояры и со князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким с товарищи», и просили, «чтобы их бояры пожаловали для их старости за их службы и за раны, где б при смертном часу головы свои приклонить к монастырю», и дали бы им «на прокормленье» земли по р. Вагаю «по обе стороны и со всеми угоды и с озеры...». В числе челобитчиков названы служилые не только «Тобольского города», но и «иных сибирских городов». Выделен же из всех «Тобольского города атаман Дуруня»⁹⁷. К концу первой четверти XVII в. атамана Ивана Дуруни уже не было в живых. Тобольская дозорная книга 1624 г. отметила «позади Новые улицы против острогу» двор его «вдовы Марьицы»⁹⁸.

Соратником Ермака мог быть и казак литовского списка **Никита Брянцов**, продолжительность службы которого в Сибири его сын, рейтар Василий Брянцов, определил в «лет 80 и больше». По словам сына, Никита Брянцов «был ранен во многие места, и от тех ран заскорбел и в монастырь постригся». Примечательно, что хотя в именных книгах тобольского гарнизона «литвин» Никита («Микитка», «Митька») Брянцов упоминается последний раз в 1629/30 г.⁹⁹, умер он в 1666/67 г. «Это, вероятно, предельная и даже исключительная дата, до которой могли дожить ветераны «Сибирского взятъя»», – замечает А.А. Преображенский¹⁰⁰.

Вместе с тем, ничуть не менее вероятна принадлежность этих (и многих других) тобольских служилых не к прямым сподвижникам Ермака, а к тем людям, которые прибывали в Сибирь в 1586–1594 гг. в составе отрядов правительственных войск, завершивших вместе с остатками Ермаковой дружины «Сибирское взятъе». Нам известно немало ветеранов этой переселенческой «волны», заслуги которых в деле «покорения Сибири» не уступают заслугам ермаковых казаков. Характерно, однако, что участники второго «взятъя» (как и их потомки) в дошедших до нас челобитных всячески стремились связать свои «службы» с деяниями дружины Ермака, тем самым вольно или невольно показывая понимание значимости того дела, продолжателями которого они являлись. Так, тобольский рейтар Степан Карпов счел необходимым напомнить властям в 1668 г., что его дед Сергей Зиновьев пришел «с первым воеводою з Дмитрием Чюлковым в Сибирь, после того как

Ермак Сибирь взял...»¹⁰¹. Другой рейтар – Яков Мартыашов – сообщил в том же 1668 г., что его отец Матьяш Угренин «выехал из Литовские земли... при государе... Иване Васильевиче... и служил на Москве 7 лет. А как де Ермак с товарищи Сибирь взял», Матьяш попал «в Тоболеск в первых сведенцах охотою и служил в Сибири... многие службы лет с пятьдесят в литовском списке»¹⁰². По словам рейтара Трофима Иванова, его дед – Денис Петров – «вышел... ис Польши... И... после... Ермаковы смерти дед... бил челом... на Москве охотою, что ему служить в Сибири в Тобольску», и прослужил «60 лет»¹⁰³.

До нас дошли свидетельства и некоторых непосредственных участников второго Сибирского «взятия», тоже, впрочем, не всегда свободные от мелких фактических ошибок, но верные в своей основе и весьма красноречивые в оценках свершенного *вместе* с соратниками Ермака. В конце 1648 – начале 1649 г., находясь по служебным делам в Москве, подал «великому государю» челобитную «Тобольского города атаман казачий» Клим Бабашин. Он тоже, безусловно, принадлежал к старожилам сибирской столицы. Первая тобольская дозорная книга (1624 г.) отметила его двор «за острогом», за речкой Курдюмкой; в первых сохранившихся именных книгах Тобольска Клим Данилов сын Бабашин (Бобашин, Бобошин) записан как конный казак, и лишь с 1637/38 г. – как атаман одной из «новых» станиц пеших казаков¹⁰⁴.

«Служил я, холоп твой, прежним государем и отцу твоему... и тебе, государю, пятьдесят семь лет...», – сообщал Клим, датировав тем самым начало своей сибирской службы 1591 годом. И хотя он напрасно связал ее с «царем и великим князем Иваном Васильевичем», событийная ее сторона, за исключением некоторых деталей, передана им верно. «Служил я, холоп твой, с ермаковскими казаками, – говорится в челобитной, – Аблегира (Аблегаира? – *Н.Н.*)¹⁰⁵ царевича, Кучумова сына, погромили меж Тобольска и Тюмени на реке на Тоболе, и самого ево взяли жива и привели к Москве... Да блаженные памяти при государе... Федоре Ивановиче... служил я... с теми же ермаковыми казаки на вершинах обских. Посыланы мы были с воеводою с Ондреем Воейковым и погромили Ясманака (надо полагать, Асманака. – *Н.Н.*) царевича, Кучумова сына, а самого жива взяли и привели к Москве же, и та, государь, моя службишко явственна ж. Да я ж... служил в разоренье: посланы мы были ис Тобольска... вверх по Тоболу-реке и громили Алтана (Алтания. – *Н.Н.*) царевича, Кучюмова сына, и самого ево взяли и привели к Москве, и ныне он жив в Ярославле. Да при отце твоём... Михаиле Федоровиче... как изменили на Таре служивые и ясачные татаровя, и мы, холопы твои, посыланы были на тех изменников ис

Тобольска и с Тюмени з головою с Федором Елагиным, и тех их изменников многих побили и языков... взяли сорок человек». Не забыл Клим Бабашин упомянуть, что был «на тех... службах... ранен многими раны», и просил пожаловать его «за те службишка и за кровь» переводом в дети боярские с прежним атаманским окладом жалованья¹⁰⁶.

Похоже, что статус служилого «по отечеству» – пусть даже самого низшего ранга и не предполагавший никакого дополнительного вознаграждения – всегда оставался пределом мечтаний и для ветеранов «Сибирского взятия»...

* * *

Возможно, со временем выяснятся новые имена ермаковых казаков, служивших в Сибири после «Сибирского взятия», однако вряд ли когда-нибудь будут известны они все. Причина тому и в плохой сохранности документов конца XVI – первой четверти XVII в.¹⁰⁷, и в том, что, конечно, далеко не у каждого из Ермаковых соратников или их потомков возникала необходимость напоминать начальству о заслугах в «покорении Сибири». Но даже нынешних знаний о ермаковых казаках вполне достаточно, чтобы сделать некоторые общие выводы о судьбе тех людей, которые, по словам Н.Н. Оглоблина, вынесли «на своих плечах все дело завоевания Сибири и утверждения в ней русской власти»¹⁰⁸.

Преобразование бывших вольных (в том числе и «воровских») казаков в «государевых служилых людей», безусловно, означало упрочение ими своего социального положения, причем в статусе привилегированного сословия Российского государства. Более того, многие из них вошли в состав служилой элиты Сибири, став атаманами или детьми боярскими. Но нельзя не видеть, что и высшая для Сибири того времени категория служилых – дети боярские (собственные дворяне появляются за Уралом только во второй половине XVII в.) – являлась всего лишь низшей прослойкой служилых «по отечеству», и в Европейской России ее представители порой ничем не отличались по своему реальному положению от служилых «по прибору» – городских казаков и стрельцов.

Из всех сподвижников Ермака самая, пожалуй, благополучная судьба сложилась у двух из них, находившихся в центре нашего исследования – у Ивана Иванова по прозвищу Гроза и Ивана Александрова по прозвищу Черкас. Но и они, входившие в «руководящий состав» ермакова войска и потому имевшие для служебной карьеры в «государевом» войске качественно иные по сравнению с остальными своими со-

ратниками «стартовые возможности», занимая высокие посты в гарнизоне главного сибирского города, являясь родоначальниками влиятельных и прочно стоявших на ногах служилых фамилий, – даже они входили только в «служилую аристократию» Сибири и при всех своих несомненных заслугах перед Отечеством помыслить не могли о сближении со служилой верхушкой центра страны, о чине не то что боярина или стольника, но даже дворянина по московскому списку... Предел служебному росту соратников Ермака ставило то, что называлось «породой» – она, по представлениям той эпохи, была крайне низка даже у ермаковых атаманов, не исключая, разумеется, и самого «покорителя Сибири».

Сейчас уже никто из исследователей, кажется, не воспринимает всерьез легенду о пожаловании Ермаку титула «сибирского князя». И останься Ермак жив после «Сибирского взятия», то «государева милость» за его «службы» вряд ли бы приняла размеры и формы, идущие вразрез с вековыми устоями и обычаями, с «образцами». А они и много позднее (по сути дела до Петра I) давали «худородным» мало надежд пробиться на вершину социальной лестницы, как бы ни были велики их способности и заслуги. Например, знаменитый землепроходец Ерофей Хабаров был пожалован за присоединение к Российскому государству Приамурья в 1649–1653 гг. лишь «чином» сына боярского, в то время как глава предшествовавшей походам Хабарова и в целом неудачной военно-разведывательной экспедиции на Амур Василий Поярков был в 1650 г. произведен «за службы» в дворяне «по московскому списку». Столь разительное различие в награждениях объясняется просто: Е. Хабаров был крестьянским сыном, а В. Поярков принадлежал хотя и к захудалому, но довольно знатному роду, его дед и отец были записаны дворянами «по городу Кашину»¹⁰⁹.

В этой связи судьба наиболее видных соратников Ермака показательна прежде всего тем, что позволяет с достаточной степенью вероятности представить себе и будущее предводителя казачьей дружины в том случае, если бы он избежал гибели в ночном бою на Вагае. Вряд ли бы проложивший России «дорогу на простор» атаман смог подняться по лестнице служилых чинов намного выше таких своих сподвижников, как Черкас Александров и Гроза Иванов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С. 108–109.

² Критику этой точки зрения см. ниже.

³ *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 2. М., 1897. С. 128–131; М., 1900. Ч. 3. С. 141.

⁴ См., напр.: *Катанаяев Г.В.* Западно-сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб., 1908. Вып. 1. С. 60; *Коровин А.* Ермаковы казаки // *Уральский следопыт*. 1969. № 10. С. 51.

⁵ *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. (Очерки социально-экономической истории): Дисс.... докт. ист. наук. М., 1969. С. 90–97; *Он же.* У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России // *Проблемы истории общественной мысли и историографии*. М., 1976. С. 378–382.

⁶ *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982 (2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск, 1986); *Александров В.А.* «Войско» – организация сибирских служилых людей XVII века // *История СССР*. 1988. № 3; *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

⁷ *Ромодановская Е.К.* Синодик ермаковым казакам (предварительное сообщение) // *Изв. Сиб. отд-ния АН СССР*. 1970. № 11. Сер. обществ. наук. Вып. 3. С. 14–21; *Она же.* Русская литература Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 50–51; *Она же.* Погодинский летописец. (К вопросу о начале сибирского летописания) // *Сибирское источниковедение и археография*. Новосибирск, 1980. С. 18–58; *Сергеев В.И.* У истоков сибирского летописания // *ВИ*. 1970. № 12; *Корецкий В.И.* «Ермаковы казаки» в Москве и Новый летописец // *Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: Сибирь в эпоху феодализма и капитализма*. Новосибирск, 1981. Вып. 1; *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий: история Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993; *Шаилов А.Т.* Погодинский летописец и начало сибирского летописания // *Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу*. Екатеринбург, 1996. С. 116–161.

⁸ См.: *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 185–186 (здесь и далее ссылки даны на 2-е издание книги).

⁹ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 249; *Шаилов А.Т.* Погодинский летописец и начало сибирского летописания. С. 146. На основании произвольного толкования ремезовской фразы: «Было у Ермака два сверстника: Иван Колцев, Иван Гроза, Богдан Брязга и выборных есаулов 4 человека», Р.Г. Скрынников пришел к выводу, «что в глазах С. Ремезова Иван Кольцо и Иван Гроза – одно и то же лицо» (*Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 185). Указание на тождество Ивана Кольцо и Ивана Грозы встречается и в других работах ученого (см., напр.: *Скрынников Р.Г.* Далекый век: Иван Грозный. Борис Годунов. Сибирская одиссея Ермака. Л., 1989. С. 481). Этот вывод Р.Г. Скрынникова принял также Д.И. Копылов (см.: *Копылов Д.И.* Ермак. Иркутск, 1989. С. 57).

¹⁰ См., напр.: *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 581, 582; *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество... С. 390, 391.

¹¹ См.: *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 19–50. На отдельные и весьма любопытные примеры подобной трансформации сибиреведы обратили внимание уже давно. Так, по утверждению известного знатока архивного фонда Сибирского приказа Н.Н. Оглоблина, знаменитый землепроходец Курбат Иванов называл себя и Иваном Курбатовым (*Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг... Ч. 3. С. 97).

¹² См.: *Титов А.* Сибирь в XVII веке. М., 1890. С. 69 (по «Описанию новья земли, сиречь Сибирского царства»); *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 249 (по сообщению Н. Витзена, использовавшего один из несохранившихся списков того же «Описания новья земли...»).

¹³ См.: *Никитин Н.И.* Государственное обеспечение гарнизона Тобольска до середины XVII в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 134.

¹⁴ *Александров В.А.* «Войско»... С. 98–99.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 14. Л. 85, 128, 425; Кн. 27. Л. 14 об., 72.

¹⁶ О широком бытовании «мирских» некалендарных имен в России того времени см.: *Кобрин В.Б.* Генеалогия и антропонимика (по русским материалам XV–XVI вв.) // История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 80–92.

¹⁷ РГАДА, Ф. 214. Оп. 1. Кн. 247. Л. 172 об.

¹⁸ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. Прил. № 37. С. 388; *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 47; *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество... С. 81.

¹⁹ *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество... С. 81–82.

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 8. Л. 135–136; *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество... С. 81.

²¹ Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. М., 1982. № 160. С. 235–236.

²² См.: РИБ. СПб., 1864. Т. 8. Стлб. 3, 10, 18, 46; *Скалон В.Н.* Русские землепроходцы – исследователи Сибири XVII в. М., 1951. С. 155–156; *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество... С. 160.

²³ Там же.

²⁴ *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3, ч. 1. С. 270. В 30–40-х гг. XVII в. служилые люди привозили от оз. Ямыш по 70–100 тыс. пудов соли (См.: История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 266).

²⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 27. Л. 1–100.

²⁶ См.: *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М., 1956. С. 136; История Сибири. Т. 2. С. 266).

²⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 14. Л. 128.

²⁸ Там же. Кн. 3. Л. 80.

²⁹ Там же. Л. 56.

³⁰ Там же. Кн. 92. Л. 114.

³¹ *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество... С. 81.

³² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 27. Л. 6 об., 60.

³³ Там же. Кн. 130. Л. 117–120 об.; Кн. 131. Л. 130–135 об.

³⁴ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 82, 154.

³⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 703. Л. 108.

³⁶ Корецкий В.И. «Ермаковы казаки» в Москве... С. 11.

³⁷ Преображенский А.А. У истоков... С. 383.

³⁹ Копылов Д.И. Ермак. С. 221–282; Шаилов А.Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания. С. 153–154

⁴⁰ Корецкий В.И. «Ермаковы казаки» в Москве... С. 11–12; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция... С. 187; Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. М., 1996. С. 38–43, 46, 48, 50.

⁴¹ Ромодановская Е.К. К биографии Черкаса Александра // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1995. С. 116, 121; Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий... С. 15.

⁴² ПСРЛ. М., 1987. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. I: Группа Есиповской летописи. С. 136,

⁴³ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция... С. 267,

⁴⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. Прил. № 13. С. 357, 359; Ромодановская Е.К. К биографии Черкаса Александра. С. 118. Как убедительно показал А.Т. Шаилов, события под Березовом, в которых принял участие Черкас Александр, следует датировать 1595 г. (см.: Шаилов А.Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания. С. 155).

⁴⁵ АИ. СПб., 1841. Т. 2. С. 1.

⁴⁶ Верхотурские грамоты... С. 99–101.

⁴⁷ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция... С. 267; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 83.

⁴⁸ См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 14. Л. 98–103 об.

⁴⁹ См.: Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 163–173.

⁵⁰ Там же. С. 172.

⁵¹ См.: Ромодановская Е.К. Погодинский летописец... С. 58; Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий... С. 15–17; Шаилов А.Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания. С. 116–117, 133–134, 151–153; Он же. Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581–1582 гг. // Изв. Урал. гос. ун-та. 1997. № 7. Сер. Гуманит. науки. Вып. I. С. 43–44.

⁵² Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция... С. 35, 267.

⁵³ Никитин Н.И. Тобольская «литва» в XVII в. // Город и горожане России в XVII – первой половине XIX в. М., 1991. С. 69.

⁵⁴ См.: Скрынников Р.Г. Ермак: Книга для учащихся старших классов. 2-е изд. М., 1992. С. 142; Копылов Д.И. Ермак. С. 192.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 62. Л. 190; Кн. 182. Л. 201 об.

⁵⁶ Об этом свидетельствует его челобитная на царское имя от 1647 г. -- документ, весьма любопытный во многих отношениях, в том числе в том, что показывает некоторые особенности социально-экономического положения «служилой аристократии» сибирской столицы. «Отставленной атаманишко Ивашко Александров» в своей челобитной сообщает: «В прошлом, государь,

во 147-м (1638/39. – *Н.Н.*) году заложил мне... иноземец Сава Фрянцуженин деревнишко с половничешками, с Сенькою Григорьевым з детьми сам-пят, а те... половники привезены не с Руси, не ис тягла, а родились у отца своего, в полосье у сына боярского у Томила Шевеля, а Томило заложил Саве Фрянцуженину, а Сава заложил мне... А платил я... с тех половников... денежной и хлебной оброк, а дал я... под ту деревнишко и под половника Сенку з детьми сто десять рублей, а закладная... на тое деревню и на половника Сенку з детьми писана на мое имя, и в съезжей избе в книгах записаны на мое ж имя, а тот Семейка у Савы Фрянцуженина жил больши тритцати лет и тамошний он сибирской уроженец. И тот Сенька з детьми своими у меня... взяты на тебя, государя, с моими животишками, с хлебом и скотом – вместе писаны брата моего Богдана з животами, а я... служил тебе, государю, своими животами, а не братними, собною статьею. И в нынешнем... во 155-м (1646/47. – *Н.Н.*) году судом Божиим у меня... детей и людей потонуло на воде шесть человек, и я... остался один з женишком своим при старосте. Милосердый государь... пожалуй меня, холопа своего, вели... о половничешках моих сыскать, что они в русских и сибирских городех в... тягле не бывали, вели, государь, по сыску отдать тех половников мне... по прежнему для моей бедности и одиночества, а оброк денежной и хлебной платить по прежнему». Резолюция Сибирского приказа гласила: «155-го февраля в 9 день. Грамота в Тоболеск, велеть сыскать про то всякими людьми. Будет уроженцы тобольские, а не прихожие люди поморских городов, и у него бы не отгымать» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1402. Л. 241).

⁵⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 14. Л. 151.

⁵⁸ Там же. Кн. 3. Л. 48 об., 55 об., 131–131 об.

⁵⁹ Именно так согласился служить со 1647/48 г. Петр Иванов сын Челищев (см.: Там же. Кн. 193. Л. 225 об.).

⁶⁰ Например, в 1640 г. Афанасий Черкасов был приставом у калмыцких послов, и тобольские власти поручили ему «поговорить в разговоре» с теми послами и узнать, прислал ли их правитель («контайша») подарки – «что чем государю на Москве челом ударить» (*Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. Прил. № 382. С. 464).

⁶¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 13. Л. 88; Кн. 141. Л. 166.

⁶² Характерный пример: в книге хлебного и соляного жалованья Тобольска 1655/56 г. после «атамана новокрещенных татар Афонсея Черкасова» сразу же записан новокрещен «Якунка Иванов Остяк» (Там же. Кн. 182. Л. 187).

⁶³ *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг... Ч. 2. М., 1898. С. 128–130.

⁶⁴ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. Прил. № 142, 194, 201.

⁶⁵ *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3, ч. 2. С. 188, 190, 202.

⁶⁶ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. Прил. № 251. С. 343–344, 582–583.

⁶⁷ Там же. Прил. № 194.

⁶⁸ Там же. Прил. № 347.

⁶⁹ *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3, ч. 1. С. 117–118.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 210. Л. 79 об.

⁷¹ Там же. Кн. 62. Л. 162; Кн. 193. Л. 165 об.; Кн. 210. Л. 78.

⁷² *Преображенский А.А.* У истоков... С. 379; *Никитин Н.Н.* Тобольская «литва»... С. 50–51.

⁷³ *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг... Ч. 2. С. 130.

⁷⁴ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. Прил. № 18. С. 367; Верхотурские грамоты... С. 39, 50; *Преображенский А.А.* У истоков... С. 380.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 3. Л. 85 об. – 86 об.; Кн. 14. Л. 85 об., 130, 428 об.

⁷⁶ Там же. Кн. 3. Л. 55 об., 92–92 об.; Кн. 14. Л. 86; Кн. 92. Л. 116.

⁷⁷ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. Прил. № 100. С. 455–456; РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 130. Стлб. 400–402.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 458. Л. 98.

⁷⁹ *Курилов В.Н.* Участие служилых людей в становлении г. Тюмени как торгово-промышленного центра в XVII в. // Города Сибири: Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974. С. 78.

⁸⁰ О Пинае Степанове см.: АИ. Т. 2. С. 5; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. Прил. № 42. С. 185; Верхотурские грамоты... № 37. С. 80; № 133. С. 203–204; *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий... С. 168; Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края. Екатеринбург, 1998. С. 35.

⁸¹ *Преображенский А.А.* У истоков... С. 381; *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий... С. 45–47.

⁸² *Преображенский А.А.* У истоков... С. 382.

⁸³ *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг... Ч. 3. С. 141; *Преображенский А.А.* У истоков... С. 380.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 3. Л. 44; Кн. 210. Л. 84.

⁸⁵ *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество... С. 80.

⁸⁶ *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири... С. 108–109.

⁸⁷ См.: *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. Прил. № 284. С. 375; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 31. Д. 9 об. – 10, 19 об., 20 об.; Кн. 27. Д. 19 об. и сл., 83 и сл.; Кн. 62. Л. 182 и сл.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 68. Л. 88–89. 74, 224.

⁸⁹ *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири... С. 109.

⁹⁰ *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 16–17, 187.

⁹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 14. Л. 128 об., 136 об., 426; Кн. 27. Л. 72 об., 83.

⁹² Там же. Кн. 3. Л. 80 об. – 81.

⁹³ Там же. Кн. 83. Л. 276; Оп. 3. Стлб. 68. Л. 224.

⁹⁴ Там же. Кн. 141. Л. 175.

⁹⁵ Там же. Кн. 159. Л. 183 об. – 184.

⁹⁶ Там же. Кн. 3. Л. 57–57 об., 138–138 об.

⁹⁷ *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири... С. 118–119; *Преображенский А.А.* У истоков... С. 379. В документах 1601, 1604 и 1610 гг. упоминается тобольский стрелец Ивашко (Иванко) Дурыня, которому поручалось доставлять в Сибирь из Москвы «государевы грамоты» и деньги, ссыльных и т.п. А в 1618 г., при выполнении аналогичного поручения, он был записан хотя и без указания «чина», но с «полным именем» – Иван, что в местной делопроизводственной практике допускалось в основном лишь для обозначения представителей гарнизонной

верхушки. Если во всех этих случаях речь шла об одном и том же человеке, то, возможно, это явилось отражением его служебного роста – от рядового стрельца до атамана (Верхотурские грамоты... С. 117, 242; АИ. Т. 2. № 46. С. 59; РИБ. Т. 2. Стлб. 1067).

⁹⁸ Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. С. 8. В дозорных (1623–1624 гг.) и первых (из сохранившихся) именных книгах Тобольска (1626/27 г.) Иван Дурыня уже не упоминается, а у служилых людей Дурынинных были самые различные «чины» и «отчества»: Дурынин Корнило Петров (атаман новокрещенов) и Дурынин Афонька Корнилов (конный казак), Дурынинский Якушко Иванов (новокрещен) и Дурынинский Микитка Яковлев (стрелец), Дурынин Шестак Мануйлов и Дурынин Павличка Шестаков (конные казаки). Пока трудно сказать, все ли они находились в родстве с атаманом Иваном Дурыней (см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 3. Л. 89, 160, 162 об.; Кн. 14. Л. 86 об., 88, 96 об., 128 об.; Кн. 62. Л. 181 об.; Кн. 193. Л. 186 об.).

⁹⁹ Там же. Кн. 27. Л. 67 об.

¹⁰⁰ *Преображенский А. А.* Некоторые итоги и спорные вопросы изучения начала присоединения Сибири к России (по поводу книги Р. Г. Скрынникова «Сибирская экспедиция Ермака») // История СССР. 1984. № 1. С. 103.

¹⁰¹ *Преображенский А. А.* У истоков... С. 380. Несмотря на столь конкретное указание времени, с которого дед С. Карпова начал свою сибирскую службу, А. Д. Колесников считает С. Зиновьева «ермаковцем» и, поскольку в числе заслуг Зиновьева упоминается пленение «царевича Маметкула», делает заключение, что «казаки обзавелись семьями в Сибири еще при жизни Ермака» (*Колесников А. Д.* Ермак: Исторический очерк. Омск, 1983. С. 193–194). Полагаю, однако, что для такого заключения пока нет оснований: Маметкул здесь назван ошибочно. Для служилого человека запомнить фамилию командовавшего им воеводы (кстати, это имя перепутано; должно быть: «с Данилой Чулковым») было гораздо важнее, чем имя одного из многочисленных сибирских «царевичей», попавших в русский плен в конце XVI в.

¹⁰² *Преображенский А. А.* У истоков... С. 381. Правда, на самом деле Матьяш Угренин прослужил в Сибири не более 40 лет. Уже в 1626/27 г. он упоминается как нищий тобольской богадельни (см.: *Никитин Н. И.* Тобольская «литва»... С. 50–51).

¹⁰³ *Преображенский А. А.* У истоков... С. 381. На самом деле «литвин» Денис Петров в последний раз упоминается в именных книгах Тобольска в 1629/30 г., так что он не мог прослужить более 44 лет (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 27. Л. 9 об., 65).

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 3. Л. 72 об.; Кн. 14. Л. 8 об.; Кн. 92. Л. 147.

¹⁰⁵ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 290.

¹⁰⁶ В Сибирском приказе пошли навстречу ветерану: «157-го февраля во 2 день приказал боярин князь Олексей Никитич Трубецкой дать грамоту в Тоболеск и велел быти в детех боярских на выбылое место, какое будет». Грамота была дана, и в ней, в частности, говорилось: «...А покаместа учнет он дожидатца выбылово места, и вы б велели ему до тех мест быть в отоманех, да наше жалованье

давать по прежнему... Писана на Москве, лета 7157-го февраля в 18 день. Отдана Климю самому» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 328. Л. 25, 25 об., 28).

¹⁰⁷ В Тобольске, например, по свидетельству самих канцеляристов, «старые дела згорели в 137-м году, как горела... приказная изба» (*Преображенский А. А.* У истоков... С. 382).

¹⁰⁸ *Оглоблин Н. Н.* Обзорение столбцов и книг... Ч. 3. С. 104.

¹⁰⁹ См.: *АМГ.* СПб., 1894. Т. 2. № 424; *РБС.* СПб., 1905. Т. 14: Плавильщиков – Примо. С. 736; *Леонтьева Г. А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991. С. 24, 115.

Е. В. ВЕРШИНИН

ДОЩАНИК И КОЧ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (XVII в.)

Можно без особого преувеличения сказать, что первоначальное проникновение русских людей в Сибирь и ее дальнейшая колонизация в XVI–XVII вв. проходили под знаком весла и паруса. Использование водных речных путей и прибрежного мореплавания придали освоению Сибири настолько стремительный характер, что он до сих пор вызывает удивление. Известный современный сибиревед Н. И. Никитин пишет: «С самого начала “покорения Сибири” русские прибегли к весьма выигрышному для них способу ведения боевых действий – “судовой войне”. Поскольку развитого речного флота за Уралом не было ни у степных кочевников, ни у таежных охотников, казаки в своих «плавающих крепостях» были вездесущи и непобедимы...»¹. Но еще в большей мере, чем для военных походов, суда использовались для грузовых перевозок. Полуморские экспедиции на кочах, речные плавания на стругах, дощаниках и каюках были тем нервом, благодаря которому оказалось возможным проникновение частных промышленников и государевых казаков в самые глухие уголки западносибирской тайги и приполярной тундры. Знаменательно, что у истоков освоения зауральских земель стояли ушкуи новгородцев, казацкие струги Ермака и морские кочи жителей Русского Севера, которые не позднее середины XVI в. проложили нелегкий Мангазейский ход из Поморья в низовья Оби.

В документах и литературе по истории Сибири XVII в. слова «дощаник» и «коч» встречаются постоянно. Между тем, специальных работ по истории судостроения и судоходства в Сибири немного. Соответствующая глава из объемного труда Н. П. Загоскина представляется сейчас поверхностной и устаревшей². Больше всего для истории сибирского